

Глава XLVI

Заключение

Путник, встречающий по дороге своей таких же товарищей-путников, с которыми он сближается и дружится, чувствует иногда, даже несколько лет спустя, любопытство узнать кое-что о их последующей жизни и похождениях.

Автор, принимая за правило, что какое-нибудь подобное тому чувство всегда существует в груди хотя [бы] некоторой части своих читателей и что им приятно было бы узнать о судьбе героинь и героев нашего рассказа, за жизнью коих они следили в продолжение целого года, берёт на себя доставить им все желаемые сведенья.

Ровно через год после смерти Невиля, по снятию печального траура, Елена Ландлесс отдала руку свою (сердце было давно отдано) Преподобному Септимусу Криспарклю, и трудно было бы сказать, кто был счастливее в день брака, сам ли Минор-Канон, или же проливающая слезы радости хорошенькая Фарфоровая Пастушка.

В этот самый день подобная церемония свершилась над Эдвином и Розою, и хотя свадьба была весёлая, а лица сияли счастьем, но тёмное облачко явилось на светлом горизонте по причине отсутствия Мистера Грейджиуса, который, несмотря на своё обещание приехать, не приехал однако же, а прислал Баззарда с запиской, в которой извинялся лихорадкой. Если бы весёлая чета, сидящая на своем свадебном пиршестве, вместо того, чтобы грустно переглянуться, могла бы перенестись каким чудом под сень загадочного *П.Ж.Т. 1747*, то она увидела бы вместо ожидаемой ею картины, представляющей Мистера Грейджиуса в ночном колпаке и под десятью одеялами, Мистера Грейджиуса, тихо шагающего (вместо обычной ему рыси) по комнате, одинокого и печального; она увидела бы так же, как странно смотрел он на маленький миньютурный портрет красавицы, сильно напоминающий Розу, и как старик становился на колена с благоговением, едва смея прикоснуться к нему губами, целовал его и плакал, и потом опять целовал и снова принимался плакать.

Часть капитала, предоставленная – в пользу сына по совершеннолетию его – отцом Эвина фирме, преуспела за последние годы и сильно округлилась. Не желая противоречить своей маленькой жене, которая сильно не любила воспоминанья о злополучном Бельцонни¹, съеденного летучими мышами в Фараоновской пирамиде, так как он был причиной одной из ее детских ссор с Эдвином, последний решил пойти по стопам отца и заняться выгодной торговлей древностями. Фирма не переменила имени и оба имени блистают по-прежнему между безносой Сиреной и Младенцем-Крокодиллом. Мистер Пеккрафт предоставил почти все дела молодому Эвину, страдая всё более подагрой, но если он кажется еще свирепее с другими, то зато балует маленькую Розу хуже Эвина; власть ее над старым ворчливым подагриком так велика, что даже когда в припадке юношеского воображения она выкинула из конторы толстого Турка, безмятежно курившего свою трубку на одном и том же месте в продолжение более тридцати лет, под тем предлогом, будто глаза Мусульманина напоминали ей о черных глазах Джаспера, Мистер Питер Пеккрафт не сказал ни слова против подобного святотатства, но просто приказал Столопу отнести осужденного в чулан наверх.

Капитан Трендерс, он же и Дэтчери, живёт с матерью недалеко от Эвина и Розы Друд. Принцесса бросила опиум и преобразилась под влиянием сына в чистую, простую старушку, какой она была и до несчастья своего.

Фопперти Педлар служит у Трендерса, который, благодаря своим нажитым в Индии средствам, сделался поставщиком Ост-Индских кораблей. Родительница, напившись мертвецки пьяной в день похорон маленькой Бетси, чтобы «залить тоску», как она выразилась, свалилась или, скорее, провалила под собственной тяжестью полуразрушенную лестницу дома в Грязном Переулке и отправилась к предкам Педларов.

¹ Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823) – итальянский путешественник, авантюрист и расхититель гробниц, который стоял у истоков создания крупных коллекций египетского искусства в Западной Европе.

Грейджиус ежедневно навещает питомицу и Эдвина, но, несмотря на все их просьбы, ни за что не соглашается переехать к ним на житье. По его словам, он такой «Угловатый Человек», что, расставшись с своей угловатой квартирой и угловатой мебелью, не прожил бы и одного года; к тому же он не может бросить бедного поэтического мрачного Баззарда, который бы пропал без него. Таким образом, Принципал и Писарь, оба, продолжают жить и здравствовать под дружеским *П.Ж.Т.*, словно молящего их, указывая кривыми буквами над их дверью: «*Прошу Жить Там*».

Мистер Баззард к тому же окончил свою трагедию наконец, но «Терний Мученья» действительно оказался для него тернием, до такой степени боится его мизантропическая натура увидеть свое имя в печати; поэтому до сего времени один Мистер Грейджиус служил ему публикою и вынужден выслушивать чтение оной трагедии по два раза в месяц, так что и для него она навеки преобразилась в колючий «Терний Мученья».

Портрет Розы, так долго висевший над камином у Джаспера в Доме у Калитки, был подарен Мистеру Грейджиусу, и немного странно, что этот почтенный джентльмен в тот же самый день подарил его Мистеру Тартару в свою очередь. Вообще достойный «Угловатый» чувствовал и чувствует непонятное влечение к загорелому лейтенанту (смуглые щеки которого очень побледнели было в первое время замужества Розы) и заходит к нему так же часто, как и к Друзам. Мистер Тартар, вероятно по симпатии с Грейджиусом, также отказался присутствовать на свадьбе Розы – по болезни. Он почти не видится с ними, проводя большую часть своих дней на высотах Волшебной Страны Заколдованного Горошка, и слишком часто, посматривая на капризное, полное детской прелести лицо Мистрисс Друд, плавает с нею по фантастическому Океану Воспоминанья в уютной Адмиральской Каюте, часто вздыхая при том.

Неизвестно еще, потому ли, что Дёрдльс был поражен страстью Депутата к побиванию камнями всех и каждого, или же потому, что Чудовищный Младенец сделался необходимым его счастью, но только достойный покровитель «Костлявых» решил в глубине своего сердца, что для Депутата оставался лишь один «предмет в виду», а именно – сделаться по его примеру каменщиком. И так, после бесконечных переговоров и нравоучений от Дёрдльса в третьем лице, [предпринятых] Дёрдльсом в первом, последний успел наконец в своем намерении и привел Депутата к хорошему концу. В скором времени Чертов Младенец сделался отличным каменщиком, как и следовало ожидать, побивая только временами – в силу неизгладимых воспоминаний – окна Джаспера, грустно выглядывающие из пустой квартиры, которую никто не нанимает из суеверного страха.

Топы продолжают жить по-прежнему. С тех пор как деятельная Мистрисс Топ потеряла разом своих постояльцев и ей некому более служить, она со скуки и ради супружеского препровождения времени накинулась на горького Топы. Несчастный Пономарь проводит жизнь свою с постоянным туманом перед глазами. В мыслях его хаос сделался еще безотраднее со времен всех непонятных для [н]его ужасов, превращений и тайн. Лучшие часы его дней проходят в Соборе, где он может, не страшась брани, вопрошать о прошлом каменных святых и мифологических химер, украшающих их обитель Старого Времени. На одном пункте только супруги не расходятся: по их словам, Мистер Джаспер был невиннее новорожденного младенца, а всё несчастье его началось с тех пор, как поселился у них этот «седой, чернобровый квартирант», который заколдовал бедного Регента.

Мисс Туинкельтон всё продолжает содержать в старом «Доме Монахинь» свою «Семинарию для респектабельных молодых лэди», как гласит надпись над одиноким, ярко вылощенным медным глазом. Овальное окошко этот также продолжает тарашиться, как и по-старому, на горделиво восседающего под мелко завитым париком родителя Мистера Сапсеа, которому снова приклеили голову по приказанию огорченного сына. Болезненная Тишер² всё так же остается верной наперсницей принципалки своей и по-прежнему страдает слабостью спинной кости и хроническими вздохами.

Вскоре после свадьбы Розы, на которой Мисс Туинкельтон превзошла саму себя изящностью и красотой обеденного спича, искрившегося в виде Млечного Пути красноречивыми цитатами из классных учебных книг, эта достойная девствующая Матрона прислала Мистеру и Мистрисс Друд

² *Англ. Tisher.*

раздушенную записочку с пожеланьями всего лучшего для новобрачных и небольшой пакет. По открытию оно в нём было найдено циркулярное печатное объявление о Семинарии с подробным тарифом для желаемых преподаваний девицам. Ни Роза, ни Эдвин долго не могли догадаться о значении этой посылки, пока Эдвин не вывел то заключение из этого деликатного намёка, что могущее приключиться со временем обстоятельство, когда им понадобится Семинария для дочерей Розы, осветило заранее предусмотрительный ум престарелой девы, на что Роза, покраснев до корня своих хорошеньких ушей, убежала, восклицая: «Нет, Эдди, пожалуйста, нет! Не говори!», затыкая алые уши двумя пальчиками.

Мистер Столоп остался в услужении новой торговой фирмы весьма недолго, всего несколько месяцев, и никогда не мог простить Эдвину женитьбу его на Розе, считая его самым злым врагом своим, пока окончательно [не] попросил увольнения. Он не сказал причины своего удаления, но только намекнул, что так лучше будет для обоюдного спокойствия. Простившись и уходя из дому, в котором провёл столько лет, он подал Эдвину записку с весьма странной просьбой, распечатать её ровно через полчаса после его отъезда. Исполнив желаемое, Эдвин тотчас же отнёс записку к Розе наверх, и, открыв её, они нашли, что она начиналась цитатой (из Шекспировской трагедии), немного изувеченной для удобнейшего применения к обстоятельствам:

«Он не открыл любви,
Дозволив тайне, как червяку на Розе,
Грызть сердце, отражаясь на классической щеке³!
Злополучному Столопу, сэр, остается лишь умереть, коль скоро “тать”⁴ ночной лишил его
последнего сокровища!»

Записка эта содержала в себе (далее) опять известную Шекспировскую цитату, слегка измененную, как и первая:

«Узнал недавно я Газель,
Желал ей жизнь посвятить,
Но вдруг явился кое-кто
Меж мной и ней – нас разлучить!»

Так как можно часто видеть разнохарактерных личностей в рубашке и белых передниках, вылетающих с крыльца известного Билликинского владения со всеми признаками ужаса на лице и с длиннейшими счетами в руках, то мы имеем полное право предположить, что слабогрудая искренняя Билликин продолжает по-старому одерживать победы в одиночных турнирах с рыцарями бакалейных и мясных лавок.

Если дедушка Время в своих странствованиях по Сильвер-Сквэру, собирая подать с лиц обоих полов и отдавая им расписку с приложением собственной печати на их физиономиях, и дотронулся слегка поэтического лика любимицы и Жрицы Муз Мисс Кип, то это единственная перемена, заметная на ее по-прежнему ясных чертах. Рифмофобия ее распространяется по-прежнему на всех и всё. Принужденная переменить поэзию на более рациональную прозу во вседневных сношениях своих со служанками, которые продолжали свою еженедельную эмиграцию из ее дома, она с горя завелась попугаем, который удивляет посетителей ее приёмной своими стихотворными способностями.

По случаю свадьбы Розы эта почтенная лэди не преминула воспеть торжественное событие стихами, и через несколько дней молодая чета получила с экспрес[s]ным фургоном огромный сладкий пирог с сахарной голубкой на оном, целующейся с таким же сахарным голубком. Между носиками сих эмблем любви и верности развеялся в виде длинного флага свёрток нежно-розовой бумаги, мелко исписанный знакомым почерком импровизаторши; заглавие с приличным и

³ См.: «Она молчала о своей любви,
Но тайна эта, словно червь в бутоне,
Румянец на ее щеках точила» (У.Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно).

⁴ вор (устар.).

необходимым восклицательным знаком объявляло о «Дубе и Плюще». Чтобы не утруждать терпенья читателя, выпишем из числа тридцати девяти куплетов только первый и последний – из боязни, чтобы свет не потерял совершенно воспоминанья об одном из лучших ее произведений.

Дуб и Плющ

«Приди, моя Муза, о, где твоя лира?
Нам прозой возможно ль воспеть...
Как Роза Эдвина, любя выше мира,
Любила о Музах радеть!
Нависшие тучи было дуб сломили,
Но верные ветви плюща не сразили!
.....
Так пусть же Дуб-Эдвин теперь высыхает
От грязи и жизни невзгод,
А ветви Плющ-Роза свои обвивает,
В честь Муз пусть вокруг Дуба цветёт!
Младая Чета, оба, Муз вы холили,
Обоих вас Музы для нас сохранили!»

Самое подсолнечное, красивое место из всего старого Клоистергэмского кладбища принадлежит смертным останкам маленькой Бетси. Под грядой, густо усеянной любимыми цветами ребёнка – фиалками и гелиотропами, спит сном Ангелов девочка. Маленькое болящее сердце успокоилось навеки, и никогда не чувствовать ей более горькой, незаслуженной печали молодой жизни ее. Когда уверятся смертные в истине того, что дорогие, любимые ими особы слышат и видят всё, происходящее вокруг них (а кто из людей, сознающих всё горе подобных утрат, не обрадуется этой быстро приближающейся к человечеству истине?), тогда поймут они, какая чистая радость наполняла дух малютки, витающий вокруг последнего жилища и привлеченный магнетической силою любви при виде седого старика, ежедневно посещающего ее могилу! Многие весенние и летние дни проводил Дядя Соль на кладбище, ухаживая за любимицами ее при жизни душистыми цветочками, поливая их и очищая от сорных трав и отдыхая по целым часам на священном кургане. Не мудрено, что маленький зеленый оазис привлекает своей очаровательной свежестью всех птиц из соседних мест. Весело распевают они над детской могилой такие же невинные и чистые, как сама лежащая в ней была при жизни, и тысячи усердных пчел жужжат над цветами, копошась в них летние жаркие дни.

С любовью и неугасающим чувством воспоминания о ребенке в груди занимается старик своей работой, часто думая при этом:

«Я чувствую, что она видит меня и что ей приятно сознавать, что старый ее Дядя Соль всё по-прежнему любит её!»

Прошёл год с того дня, как Джон Джаспер был отвезён бешеным безумцем в Дом Умалишенных. В бесконечной сердечной доброте души своей Минор-Канон нарочно ездил туда раза два с тех пор, чтобы убедиться в том, что несчастный Регент ни в чем не нуждается и что его лечат, как следует.

Но всякий раз Доктор, заведующий заведением, объявлял Криспарклю, что, насколько медицина и медики могли ручаться за непогрешимость мнения своего, для Джаспера не было надежды на этой земле. Безвредный, хотя суровый и молчаливый иногда, он большую часть дней своих страдал припадками бешенства, и в такие часы требовалось двойного комплекта надзирателей, чтобы удержать его от убийства, которым он грозит всем и каждому.

«Субъект этот, – говорил доктор, – самый опасный из всех виденных мною пациентов нашего заведения и по-моему не существует ни малейшей надежды на выздоровление его».

Минор-Канон вздыхал и уезжал, не выдав ни разу привязанного на цепи Регента.

Снова наступил Рождественский Сочельник и к вечеру Клоистергэм затих. Не видно было на пустынных улицах ни души, все и каждый отправившись по домам, чтобы провести торжественный вечер в семействе. На дворе начиналась снежная вьюга, и поэтому еще более никого не привлекали замерзшие темные улицы. Часам к одиннадцати вечера на Клоистергэмской большой дороге, ведущей от рельсов соседней железной дороги к станции дилижанса, показался, осторожно прокрадываясь и оглядываясь боязливо по сторонам, бледный растрёпанный человек с безумно блуждающими черными впалыми глазами и похудевшим, мертвенным лицом. Несмотря на метель⁵, густо устилающую поля снежным саваном, этот человек в одной изорванной рубашке и полотняных панталонах. Ноги его обуты в одни чулки и грудь совершенно нагая. Несмотря на поздний час, он останавливается поминутно, прислушиваясь к малейшему шороху, и, дико озираясь, прячется под заборы при всяком завывании ветра, печально воющего среди голых сучьев⁶ придорожных буков. Так осторожно подвигается он, пока не доходит до слабо освещенного городка. Холодная бледная луна, ныряя меж снеговых нависших туч, освещает временами верхушку старой Кафедральной Башни и сплошную черную массу самого Собора. Станный путник не сводит с неё глаз и радостно шепчет что-то, складывая свои худые посиневшие от холода руки как бы в немой молитве на груди. Теперь он идёт прямо, не останавливаясь, и как бы совершенно уверенный в своей дороге. Достигнув кладбища, он как бы колеблется на одну секунду. С кем говорит он? Вокруг него всё тихо и пусто и один ветер только может отвечать ему. Несмотря на то, он как бы прислушивается к раздающемуся для него одного ответу и разом, не колеблясь, уже прямо отправляется к⁷ покрытой снегом могиле маленькой Бетси.

Дойдя до неё, он опускается перед ней на колена и с диким блеском в глазах, заломив руки над головою, произносит внятно и отчетливо голосом, прерывающимся от рыданий:

«Виденье послало меня помолиться на твоей могиле, дорогое моё дитя; оно сказала мне, что если попрошу я твоего заступничества за несчастного грешника, отвергаемого смертью и недостойного жить на земле, то Господь услышит твою детскую молитву! Ты простила мне перед смертью, Бетси. Я помню слова твои – о, как хорошо помню! Попроси у Бога простить мне, Бетси, и проведи мой грешный дух к Стопам Всевышнего Судьи. Теперь ты – чистый Ангел, девочка моя, и можешь читать в моём разбитом сердце. Оно так полно раскаяния и горя – ты это видишь сама, не правда ли? Иди, иди, моя дорогая маленькая Бетси, а пока ты станешь ходатайствовать за бедного грешника, я лягу на твою могилу и отдохну. Мне очень холодно, о, как холодно, дитя мое... Не медли, дитя... Скорее... Пожалей отца!»

Голос его становится всё тише и невнятнее, и последние слова замирают на посиневших устах, всё еще повторяющих шепотом и с мольбою:

«Дорогое дитя».

Затем он ложится поперек могилы, крепко обхватив её почти окоченелыми руками. Испустив глубокий тяжелый вздох, он остается недвижимым и тихо начинает уплывать по безмолвной реке, уносящей его к Вечности!

Рождественское утро зарделось на синем ясном Небе. Рождественское утреннее Солнце, всходя во всём своём блистающем Величии, золотит лучами своими верхушки деревьев и старые стены Кафедрального Собора, пока они принимают вид растопленного золота. По мере того как горячие лучи, проникая насквозь снег, заставляют его видимо таять, он скатывается на землю крупными каплями и капает, капает, пока не начинает походить на тёплые слёзы радостной благодарности как будто сама Природа ликует, что снова увидит Клоистергэм еще одно благословенное Рождественское Утро.

Медленно направляется старческими шагами Дядя Соль через мокрые тропинки к кладбищу, держа в руке зеленый венок из свежих листьев для украшения могилы своей любимицы. Дойдя до неё, он открывает на ней замёрзшую фигуру человека, которого не узнает еще под тяжелым саваном завалившего его снега.

⁵ метель (*устар.*).

⁶ Далее зачеркнуто: *бу.*

⁷ Далее зачеркнуто: *белой.*

Несколько прохожих отрывают тело, и вместе с ними являются два незнакомых человека, которые отыскивают с самого вечера убежавшего из Дома Умалишенных Джона Джаспера.

Весь Клоистергэм сбежался при первом известии и с ними вместе и Минор-Канон.

Служители больницы отправляются, так как миссия их окончена, и жители городка, так хорошо знавшие Регента, с ужасом смотрят на это тело, обезображенное мучительной смертью и болезнью, хотя лицо умершего спокойно и улыбка выражает счастье.

«Если жизнь этого человека была преступной, то зато смерть очистила память его!» – говорит Дядя Соль.

Минор-Канон взял на себя похороны его, и, зарывая Джаспера в холодную могилу, даже Дёрдльс удержался от всякого размышления.

Конец